

Геннадий Мещеряков

**Повесть
«Иван
воскрес, или
Переполох
в деревне»,
рассказы,
стихи**

*Только в этой
книге и нигде
больше*

Геннадий Мещеряков

**Повесть «Иван воскрес,
или Переполох в деревне»,
рассказы, стихи. Только в
этой книге и нигде больше**

«Издательские решения»

Мещеряков Г.

Повесть «Иван воскрес, или Переполох в деревне», рассказы, стихи. Только в этой книге и нигде больше / Г. Мещеряков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749861-0

Да, Иван воскрес. Если мне не верите, спросите у Кузьмича. Подтвердит это и козел Платон, он предсказатель в деревне и никогда не ошибается. Есть здесь потомственная ведьма, о которой рассказывают такое, что встают дыбом не только волосы, есть и уже летавший на Марс человек, о котором мы и знать не знали и ведать не ведали, а умельца можно найти в каждом доме. На днях бились друг с другом из-за симпатичной доярки Гитлер с Чубайсом... Что поделаешь, если одна такая деревня в округе...

ISBN 978-5-44-749861-0

© Мещеряков Г.
© Издательские решения

Содержание

Иван воскрес, или Переполох в деревне	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Повесть «Иван воскрес, или
Переполох в деревне», рассказы, стихи
Только в этой книге и нигде больше
Геннадий Мещеряков**

© Геннадий Мещеряков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван воскрес, или Переполох в деревне

Глава первая

Кузьмич, невзрачный мужичок преклонных лет, сидел на колокольне в дырявой соломенной шляпе, размахивая по привычке ногами, одну поднимал высоко к туче, другую лишь чуть, еще бы, она была железная. Трофимов, фрезеровщик и токарь в отставке, выточил. Говорит, из люминия. Какого люминия? Люминий, легкий, а эту поднять трудно по ступенькам. Из лапы культиватора как будто сделал, который на глине не сгинался.

Кузьмич подтянул ремень, стягивающий культю, и он не выдержал, лопнул: нога полетела вниз.

– Берегись, – закричал Кузьмич, – убьет на хрен.

Но около колокольни никого не было. К ней только подходил высокий светловолосый мужчина с синими глазами. Кузьмич подумал: «Приделай ему к толстой морде усы, вылитый Иван Петров. Но он года четыре как помёр, а этот живее всех живых, – повел он культей, радостный от такого сравнения.

Похожий на Петрова мужик поднял железку и, словно деревянную, легко забросил Кузьмичу на смотровую площадку.

– Осторожно, блин, самогонку разобьешь, – крикнул Кузьмич.

– Если только она в бутылки, – ответил весело мужик.

«И говорит-то как Петров, вот, потеха. Надо разыграть Софью, его жену. Дескать, как Христос Иван воскрес, за те мучения, которые испытал, живя с ней. Скольки раз спал в сенях, или на сеновале, не пускала пьяного домой. А пил – то только по субботам. Ежели бы у него была такая жена, совсем бы не пускала его в дом, так как не может он без самогонки, которая куда чище местной воды из Узенья, и, – Кузьмич хихикнул, – раз в сорок крепче. Матрене своей он доказал это, а Софье и пробовать не надо – волосы у нее ниже пояса, значит, ума совсем нет. Хотя, вон какого отхватила – под два метра ростом, и дурака, только в поле пахал, да на ферме ковырялся. Вот он сидит на колокольне и сторожит все село разом. И ближайšie поля. А, вдруг, огонь. Тогда ударит в колокол. Хорошо его не дали сбросить после революции с колокольни, где бы он теперь работал с одной ногой».

– А ты ее пьешь?

– Самогонку? Пью, конечно, если нальют.

– Лезь тогда сюда, только ступеньки не сломай, давно их не скреплял.

Мужик забрался к Кузьмичу на верхнюю площадку:

– Как высоко, у самых туч, – смахнул он со лба пот. Видна вся окрестность, и кто что делает. Вон из речки бреднем рыбу вынимают. А за желтыми камышами, смотри, дед, женщина голая купается, как русалка распустила волосы. Какая красотища.

– Не узнаешь, это же твоя жена Софья? Все время ныряет, как утка. Живет – то рядом с речкой, огород в него упирается.

– Какая жена? Сам точно не знаю, кто я, откуда? Когда очнулся, стояла ночь. Звездное небо полосовали метеориты, под боком торчал куст горькой полыни, и никого рядом – пустота. Утром услышал петушиный крик, который привел к вам.

– Это наши Выселки, а рядом есть еще деревни – Ежи, Хори, Суслы. Мог попасть туда, уж лучше к нам. Люди у нас хорошие, когда-то цари их считали бунтарями и выгоняли из центральных губерний в наши края, где и люди не жили, многие верят в бога. А зовут меня не просто дед, а дед Кузьмич, известная на селе личность. С таким отчеством я в округе один, своего рода – приоритет.

- Паритет, вероятно.
- Поправляй – не поправляй, а воскрешаться, как ты, мне нельзя, так как второго Кузьмича рядом нет.
- В афганскую ногу потерял, дед Кузьмич?
- Ежели помнишь эту войну, значит, и все вспомнишь. Нет, я раньше отморозил ногу и не попал на войну.
- Как случилось такое? – спросил мужик.
- Сначала представься, как тебя зовут, обращаться к тебе как-то надо. Или тоже забыл?
- Иван я, Иван Петров.
- Что? – овалом открылся беззубый рот Кузьмича, – Значит, не ошибся я: воскрес ты, как Христос, за свои мучения в предыдущей жизни со своей Софьей.
- Ничего не понимаю я, Кузьмич, – сказал Иван.
- Тебе ничего не надо и понимать, тебе устраивать жизнь надо. Где осядешь, если того, ну, забыл почти все.
- Не знаю.
- То – то, сейчас мы выпьем с тобой по стаканчику и – в поход по квартирам. Если не найдем угол, тогда к Софье, там уж наверняка: она немножечко с придурью, поверит в воскрешение. Тем более ты ничем не отличаешься от ее мужа, и зовут тебя так же. Документы, надеюсь, есть?
- Конечно, есть, по ним я кое – что и вспомнил.
- Тогда все будет ничтяк. По – нашему это значит хорошо.
- Да, и по – нашему тоже.
- Совпадения случайными не могут быть, и мы повеселимся. Я очень уж шепутной человек, поэтому и ноги лишился, вытащив из сугроба один только валенок. Был в сильном опьянении, и отморозил на хрен ногу. Я врача просил оставить кость, мол, нарежу на ней резьбу и привинчу железную ногу. Приводили даже психиатра ко мне в палату, подозревая, что свихнулся малость. Но все обошлось: я был нормальным, и ногу отрезали в подколеньи.
- А почему нижнюю часть ноги хотел выточить из металла?
- Думал, друг выточит стопу из люминия, а он, подозреваю, приспособил для нее лапку культиватора. А вообще – то таких людей, как у нас в Выселках, нигде не найдешь – с головой, но есть и несуразные. – И Кузьмич штрихами, но образно, обрисовал некоторых сельчан. А начал с себя. Не только, мол, сидит на колокольне, но и открыл дело, гонит табуретовку. А назвать так самогонку решил по примеру Остапа Бандуры, внук ему предложил, тоже очень смекалистый паренек – четвероклассник. Подложил географичке за двойку под ножку стула взрывпакет, она даже обмочилась от страха, скорую из райцентра вызывали. По его совету он приподнимает на веревке три ступеньки, кто к нему заберется на колокольню, да и кому нужно, что он там делает. Качество продукции определил специалист местной администрации Хомяков и дал отличную оценку, свалившись после одного стакана первача. Обычно проваливался в никуда после трех граненых стаканов магазинной водки. Это при растительной закуске, а если закусывал шашлыком, вообще не проваливался. Только мутнели глаза, и он смотрел на всех с таинственным выражением быка.

Поведал Кузьмич и о настоящем быке, по прозвищу Гитлер, которого Маша, говорят его любовница, зовет ласково Адольфик. Завтра Гитлер будет драться с Чубайсом, так прозвали коня, грива у него рыжая, а сам каурый. Приревновал его к Машке Гитлер. Откуда он мог знать, что Чубайса еще в молодости оскопили, и его не тянет теперь к кобылам, и доярка Маша возит на нем молоко на приемный пункт. Рискует Гитлер, у Чубайса подковы на ногах из осой стали, техасской, с заостренными краями – кузнец Ибрагим выковал их в честь рождения своего сына. Заденет ими, у Гитлера рога отвалятся. Было уже такое. То ли Чубайс сон видел, что его еще раз кастрируют, то ли сзади угрожали ему, лягнул так, что проломил ногой стену

конюшни. Даже немой конюх выкрикнул тогда матерное слово, которое переводится на хороший язык как нефига. Этот конюх и решил свести в одной загонке Чубайса и Гитлера, на которого был зол, так как сам похотливо посматривал на Машу, вернее, на ее трущиеся жерновами ягодицы...

Что ни дом в Выселках, найдешь самородок. Есть свой художник, исполнители местных, и не только, музыкальных произведений. В селе появилась воздушная дорога через речку. Мозгами пошевелил Егор, глядя на две высокие опоры, брошенные на ее берегах энергетиками. Деревня тут и там наполовину, и он решился. Тем более два трапа у него есть, когда-то рядом у лесопосадки был военный аэродром. Опустил с двух сторон провода, и покатился люд через речку в легкой, сплетенной из ивняка корзине. И берет – то за перелет с человека всего по семь рублей. Почему по семь? Так захотелось. Берет червонец только с Портоса – в нем 152 килограмма. А ежели из пивнушки выйдет – все 180 будет. Вот бы Гитлеру с кем помериться силами, подковы Портос как крендели ломает, и точно, без рог Гитлер останется. Но их не сравить. Портос выкупил Гитлера, когда его везли на бойню: от него, доказывал, у коров больно уж крепкие бычки нарождаются, а один, врал, конечно, появился даже с рожками.

Как действительно зовут Портоса, никто и не помнит. Ерема, Емеля? Какой Ерема, какой Емеля? С рождения весил восемь килограммов. Хорошо мать его была два метра ростом, разорвало бы на хрен.

Портос не только огромный, но и чрезвычайно умный кадр. Выпьет ведро пива и начинает мыслить, выдает одни новшества. Это он посоветовал деду Пахому собирать газ из домашнего свинарника – горит не хуже метана, и денег за него платить не надо. Компрессоры есть, только и расходы на электричество.

А дед Пахом тоже мыслит, пошел дальше, стал собирать газ в баллоны, для желающих, получая навар.

В последнее время и старухи поумнели. Бабке Фиме скоро сто лет, а что надумала. Река заливает весной ее огород, уходя, уносит почву – замучилась. А теперь: вырыл правнук трактором котлован в огороде. Вода, зайдя, осталась в нем после отлива. Вот тебе и что? Корм насыпала старушка в котлован с водой, туда зашла рыба всякая. А выход бабка перекрыла. Осенью, подкармливая рыбу, она получила за нее в магазине немало денег. Ходила в телогрейке, теперь – в норковой шубе. Говорит, и на мальков хватит. Ум никогда не стареет, надо лишь шевелить мозгами.

В ненастье на улицах в деревне и на тракторе не проедешь, колея – в метр. Все бы так и ходили в резиновых сапогах, ежели бы не торгаш Аркадий Кривонос. При коммунизме он был механиком. В смутное время прибрал к рукам все, что мог – даже лебедки. Вот и стал таскать ими к магазину легкие сани – такси. На широченных лыжах катили они по грязи, как по снегу, на радость старушкам из дальних домов. Кривонос за такси не брал. Не уменьшалось в непогоду число посетителей в магазине, а, значит, и навар.

В деревне есть пруд. Когда-то перегородили плотиной речку и набрали про запас с миллион кубометров воды, а излишки сбрасывали по трубам дальше в русло. Настоящий водопад. Стукнуло у деда Пахома в голове: а что ежели, берег – то крутой, как в метро, бегущую лестницу соорудить, чтобы легче подниматься бабам на берег с водой. И сделал колесо с лопастями, которое двигало полотно комбайновой жатки. И никаких больших затрат. В благодарность немолодая Аксинья даже решила выйти за него замуж, но Пахом испугался: баба таскала из пруда воду не ведрами, а сорокалитровыми флягами и слегка косила. Сколько раз уже была вдовой. Пахом сам сбивал гробы для четырех ее мужей.

Не надо далеко ходить, даже Фекла, из пятого поколения здешних ведьм, сначала только летала на метле, а сейчас подметает ею двор. Метла, кажется, сама по нему мечется, устрашая других. А сундук просто открывается. Фекла приделала к метле управляемую кнопками

мобильную машинку. Об этом, может быть, только Кузьмич и знал, так как видел ведьму в рай-центре в магазине современных игрушек.

И еще: у ведьмы лучшая в селе самогонка, сбивает с ног сразу. Пусть он с одной ногой, а вот специалист администрации Хомяков с двух ног валится. А скока для этого ему надо, он уже рассказывал. Не раз с колокольни его спускали на лебедке. Ха, один раз трос порвался, но Хомякову хоть бы что, когда сильно пьян, никогда не разобьешься. Об этом Кузьмич сам знал, бывало, скатится с высоты по ступенькам, и ничего, встанет и запрыгает дальше.

Ведьме за сорок уж, а выглядит на двадцать. И очень она приветлива, но с загогулинами. Стала продавать метлы. В Выселках все знают: ежели идет мужик по улице с метлой, значит, точно побывал у Феклы.

– Сколько удивительного и невероятного в вашей деревне, даже интересно стало. Поближе бы познакомиться с вашими людьми, – перебил Иван Петров.

– Вот с Феклой и познакомишься. Она никогда замуж не выходила, что еще раз доказывает ее ведьминскую особенность. А горяча. Бабы глупы, не сообразят: всегда ли их мужики ходят к Фекле, чтобы только выпить самогонки. Чай, своей есть у каждого с ведро. Я инвалид, и то побаиваюсь надолго оставаться у нее. У меня самогонки хоть опейся, а у нее – особливая, все члены сразу напрягаются, и делаешься полным дураком.

– Дураком можно стать с любого самогона.

– Каким дураком, вот в чем особенность. Моего выпьешь – драться тянет, а ейного – к ласке. Я убегаю сразу до того, как первач станет действовать.

– А что трусишь?

– На вид вроде ничего – не в гроб ложиться, а ты на Феклу посмотри. Я не образован особливо, но сказал бы: баба – царь. И глаза у нее разные: в одном вопрос, чего пришел сюда, в другом – подначка, пень, мол, ты трухлявый. Сбросить бы лет тридцать, уравнил бы ей взгляды, а с одной ногой, только и пить самогонку. Да еще на высоком ветру, удовольствие данное не всякому. – Кузьмич взял в руки железную ногу, посмотрел на нее внимательно и отбросил в сторону, – не пойдет, ремень лопнул, да и тяжелая. Лучше на деревянной, она короче, но куда легче. Правда походка, словно одной ногой топаешь по колее, да ничего, сойдет. Три – четыре обхода выдержу.

Через минуту Иван и Кузьмич спускались с колокольни.

– Девяносто восемь ступенек, пока спустишься, вторую ногу сломаешь, – сказал Кузьмич.

– Не прибавляй, Кузьмич, только сорок девять, когда к тебе поднимался, я считал.

– Это тебе сорок девять, а мне девяносто восемь.

– Почему так?

– А потому, что я с одной ногой и на каждую ступаю дважды, нет, не наш ты, плохо мозгуешь.

– Какой уж есть, – притворился обиженным Иван.

И вот они стучатся в дверь крайнего дома.

– Это особый дом, – сказал Кузьмич, – такого нигде больше не увидишь. На скатах крыши видишь нотные строчки с бемолями, догадайся для чего?

– Могу предположить, в доме живет музыкант.

– А вот и не угадал, хотя у хозяина гармошка есть. Какой резон пиликать на ней на трезвую голову, он же не пьет почти, если под Новый год только, или когда я к нему приду.... И надо – то ему рюмку водки, воробей, который постоянно со мной на колокольне, больше употребляет. Дерется, правда, с птицами тогда, даже одноглазый ворон от него улетает. Посмотри – ка на лоб дома, что видишь?

– Огромный портрет Николая Васильевича Гоголя, писателя – классика.

– Правильно, писателя. Через месяц здесь будет висеть другой писатель, у кого наступит день рождения. Так кто же живет в этом доме?

– Вероятно, талантливый художник. Гоголь, вон, смотрит как живой, с насмешкою в глазах: куда идете, мужички, ждут ли вас тут?

– Не бойсь, ждут. К Репину почти никто не ходит, все время портреты свои малюет, меня сидячего на каланче разрисовал.

– К Репину? Был с такой же фамилией профессиональный художник.

– Этот наш, в Выселках родился. Помню, с детства петухов рисовал, из разных дворов. Чай, одинаковы они, говорили ему. Он не соглашался, дескать, главное не форма, а содержание, и черты лица у них разные. А Гоголей он срисовывает по клеткам, и так, что не отличишь. Зайдем к нему, ты, главное, сыграй с ним в шашки: на самогон. Проиграешь партию, в наказание он нальет тебе стаканчик первача. Подозреваю, что он того, но не говорю, что надо делать наоборот. Сам задарма и без всяких умственных усилий, бывало, так налижусь, что не дохожу до дому. Вот как бы сделать, чтобы он напился?

– А если я в шашки не умею играть?

– И хорошо, захочешь – не выиграешь, и честно будешь пить самогонку. Репин у меня иногда по пять шесть шашек берет, а я не возражаю.

– Раз тебе хочется, напоим его. Когда – то в школе у меня был юношеский разряд по шашкам.

– Чего же ты молчал? Репин, когда выпивши, поет, а мелодию выводит на гармошке с отставанием, чудно, посмеемся.

Репин оказался добрым малым с пухленьким розовым личиком. Пиджак его был не только в клеточку, но и исполосован красками, видимо, художник, рисуя, вытирал об него кисточки. Сразу, с порога, предложил сыграть партию в шашки, а когда играл, выполнял целый ритуал. После первой дамки начинал потирать руки, после второй топал ногами, а после третьей напевал: «для меня и детворы лучше шашек нет игры...»

В первых партиях Петров делал ходов восемь – десять, и все – перед ним уже стоял вновь наполненный стаканчик самогонки. Притворившись, что захмелел, он сделал ценное рационализаторское предложение: сливать рюмки в банку, а потом употреблять все сразу, чтобы морщиться и кривиться только один раз, так как напиток настоян, видимо, на тертом хрену с редькой. Всем очень понравилось такое новшество, особенно Кузьмичу. Он даже усовершенствовал предложение Петрова: не надо наливать самогон и в рюмки, зачем, если можно по проигранным партиям подсчитать необходимый для употребления объем огненной жидкости. Все согласились, и Петров начал выигрывать, раз, два, три... В банке скопилось солидное количество самогонки, и Репин побледнел, так как согласно договору предстояло все это выпить. И он решил, умрет, но не опозорится. Сделав глотков пять, поморщился и выдохнул:

– Твоя, Кузьмич, действительно лучше, ты же ее гонишь в разряженном пространстве.

– Причем пространство, из дерьма не надо гнать. Сгниет картошка, ты ее на самогон пускаешь.

– Сахарной свеклы у меня нет, – обиделся Репин. – Ладно, замнем, лучше я, пока не свалился, нарисую карандашом портрет Петрова. Таким, представляю, был и Илья Муромец, наш русский богатырь. Хочу написать свою картину «Три богатыря». С Портоса напишу Алешу Поповича, а Добрыню – с себя. Ну, ну, не заводись, Кузьмич, увеличу свои объемы раза в три – четыре.

– Вижу твой суррогат начал на тебя действовать, заговариваешься: с себя он Добрыню напишет. Да, у тебя морда первоклассника, как выглажена, а глаза – у японца шире.

– Воображение у художников неизмеримо, можно многое округлить и расширить. Иначе будет пресно и несмотрибельно.

– Чаво, чаво, неприбыльно?

– Несмотрибельно.

– У тебя картина на лбу дома висит, куда уж смотрибельней. А на счет Петрова ты прав, он не только на Илью Муромца похож, еще и первый воскресший после Иисуса Христа человек.

– А ведь, правда, он умер. Почему же сидит у меня?

– А потому, что воскрес. Пришел из загробного мира. Все село уже знает, а знаменитый художник, – Кузьмич подмигнул Ивану, – нет. За это и тебе надо выпить, чтобы у Ивана все было хорошо. Только сначала срисуй с него Муромца. Подожди, а как же ты нарисуешь его портрет. Они же с Муромцем будут похожи? И Илью объявлять, что ли, воскресшим? Это надо обмозговать, но не сейчас. Рисуй, давай.

Репин действительно был мастеровитым художником, он расчертил лицо Ивана клеточками под номерами, и такие же разлиновал на бумаге. Через полчаса все было готово.

– Вот так бахчи делят, – похвалился художник.

– Так ты тогда дай нам и арбуз, в огороде у тебя их сколько? – предложил Кузьмич.

– Два осталось, хорошо, один дам, ради воскресшего Ивана. Подпрыгнуть хочу, замечательный будет Илья Муромец. Ведь в чем соль? Он из наших Выселок, в этом будет особая ценность картины.

– Да, и фамилия у вас знаменитая – Репин, – заметил Петров.

– А я бы картину на колокольню повесил, пусть все видят, други радуются, а вороги боятся, – предложил Кузьмич.

– И это правильно, такого шоу нигде нет и, видимо, не будет, я за, – одобрил Иван.

Взяв арбуз, они простились с художником, а отойдя от дома несколько шагов, услышали, как заиграла гармошка, и раздался веселый голос запевшего Репина.

Глава вторая

Улица, по которой они шли, называлась Пролетная. Почему, недоумевал Иван, если она на этом берегу деревни одна и тянется километра на три вдоль реки. Но спрашивать Кузьмича не стал, так как он уже открыл рот для другого объяснения.

– Угостят нас с тобой, Ваня, обязательно, в любом доме есть горилка, только у ветеринара Похлебкина нету. У него спирту полно. Но не пьет Похлебкин совсем с тех пор, как его Гитлер на рог насадил. Был навеселе и перепутал лекарства. Всадил Гитлеру в крестец вместо витамина укол от бешенства, бык и перебросил его через кормушку. Хорошо проткнул ногу до кости, и то ходит теперь, как я, с приседанием. А сейчас к марсианину зайдем.

– К кому? – не понял Иван.

– Вон, видишь дом с крышей в виде шара, вокруг него навалены кучи песка, здесь марсианин Рылов живет. Не удивляйся, хотя есть чему. А вот и он.

Из калитки вышел мужчина с бритой головой, от которой, как от зеркала, отражались солнечные зайчики. А голубые глаза наполнялись восхищением.

– Говорил я тебе, Кузьмич, что есть неземная жизнь, и не умирают люди. Доказательство вот, рядом с тобой. Чай, Софья рада, что Иван вернулся с того света, как бы воскрес, – сказал он.

– Не знаю, вернулся, чи нет, еще изучению подлежит этот вопрос, но пришлый вылитый Иван Петров, только без усов.

– Сбрил, и правильно. Я, вот, все брею, с тех пор, как на Марсе побывал. А ведь до сих пор никто этому не верит, потому что по-старому мыслят, без творческих идей и без учета современных научных достижений.

– Теперь будешь Петровым всем в морду тыкать? – осклабился Кузьмич.

– Мордой – не мордой, а тыкну с радостью. Возможно, Петров тоже был на одной из планет: тот свет еще никто не изучал, и нам он пока не подвластен. Я вас с Иваном заметил еще на колокольне, ибо в телескоп часто смотрю, изучая изменения, происходящие на Марсе. Сегодня увидел невероятное: каменная голова идола повернулась. Может быть такое? Может, если она живая. Нечем было мне это явление зафиксировать, к сожалению, была бы сенсация во всем научном мире, не только в ухологии.

– В уфологии, правильнее, извините, господин ученый, – вылетело у Петрова.

– Еще одно доказательство, что Петров вернулся с того света, – обрадовался Рылов. – Откуда бы ему знать об этой науке. На скотном дворе тогда еще работал.

– Работать-то работал, – подхватил Кузьмич, – а пол скотины путал, его и надули: вместо козы козла продали с яйцами не меньше ее вымени, ха – ха – ха.

– Ты, Кузьмич, я вижу, уже хлебнул слегка своей огненной водички.

– А как же, за встречу: обмыли воскрешение Ивана. Не часто такое бывает, на моей памяти было лишь одна. Это когда Лысуха в могиле ожила. Почему ожила, никто не знает.

– Почему, почему? А потому, что Афанасий много водки выпил и не засыпал могилу в тот день. Жили они где? В дальнем загоне, ожила бы, поговаривали потом, что она крепко спала. Афанасий говорил, что одну рюмку всего-то выпила.

– Причину ожития тоже доказывать надо, тут много есть недомолвок и лишних убеждений, такое особенно часто бывает у компьютерных ученых. Не обижайся, я не имел в виду тебя, ты у нас телескопный. Поэтому и пришли к тебе, чтобы поговорить с умным человеком, побывавшим на Марсе. Хотя я такого не слышал, потому что безграмотный, и, может, кто еще летал туда, мне это пока неведомо, хотя нахожусь к планете ближе вас всех.

– А почему, – извините, господин Рылов, у вас вокруг дома насыпано много песка?

– Значит ты, Петров еще не бывал на Марсе. Там есть пустыни, и песок напоминает мне планету. Иногда так увлекаюсь, что ищу в нем живые существа, песо везде одинаков – и по натуре, и по цвету.

– С этим трудно не согласиться, но на Марсе я побывал, и там песок больше не кучками рассыпан, как у вашего дома, а большими валами. А вот о каменной голове идола вы правильно сказали: она живая. Я разговаривал с ней, и что интересно, по – русски. Значит мы потомки марсиан, а вот как оказались на Земле, забыл его спросить. Но ничего, с такими энтузиастами уфологии, как вы, мы все узнаем и везде обязательно побываем. – Петрову показалось, что их новый собеседник просто сошел с ума, и ему стало неловко от пришедшей мысли, – А у вас что, есть и научные труды?

– О, это мой конек. Смотрю в телескоп и пишу, что вижу, поэтому все достоверно, все натурально и доказательно. Без всяких там выдумок и умозаключений. Вот такие труды и выкладываю в Интернете. Ох, какие бывают комментарии. Хочешь, Иван, зачитаю их

– Нет, спасибо, у меня, к сожалению, мало времени, в следующий раз обязательно зачитаете их мне.

– А сколько восторженности и признательности в них. Некоторые даже спрашивали: не видел ли я на Марсе Аэлиту. А что я отвечу? Пока еще не видел, ищу каждодневно. Некто в камнях прыгнул, но ведь Аэлита не животное, тем более не коза. Тут и доказывать не надо. Я Толстого читал.

– Спасибо, спасибо, господин Рылов, успехов вам в таком нужном и ответственном деле, каким является поиск неземной жизни, тем более в Солнечной системе.

– Как ты, Ваня, поумнел после смерти, и как я рад этому. Заходи, побеседуем. Двое теперь в Выселках людей, взаимопонимающих друг друга.

– Обязательно загляну к вам на днях, – пообещал Петров.

Когда Иван и Кузьмич отошли от дома марсианина, порыв ветра поднял тучу песка, потревоженного марсианином Рыловым. Он уже завел миниатюрный трактор и начал сдвигать одну к другой его разбросанные кучки. Донеслось шуршание песка о железное ведро, которым заслоняла лицо идущая по улице женщина. Дородная, с волной волос из – под платка, именно о таких раньше говорили, как пава. Она погрозила кулаком дому Рылова и сказала в сердцах:

– Ты хоть, Кузьмич, инопланетянином не стань на своей колокольне. И сейчас уже оттуда сивухой несет, – и с улыбкой добавила, – станешь венерианцем, зажжешь какую-нибудь домну, сгорим на хрен.

– Рылов, Прасковья, действительно был на Марсе. Может, не только он. Глянь – ка на моего сотоварища, не узнаешь, кто это?

Прасковья внимательно осмотрела на Ивана, и ее глаза будто изменились в цвете:

– Копия Ванька Петров, да он скончался давно, горсть земли и я в могилу бросала.

– А ты, Прасковья, спроси, как его величают, зовут.

– Ну, как?

– Петров я Иван, вот хожу, ищу место, где бы пристать, не все так просто в жизни, – ответил непонятно Иван.

– Если ты Иван Петров, меня должен знать, в молодости залеткой была твоей, да Софья отбила. Скажи, а что мы делали с тобой однажды на сенокосе?

– Помню, спали в стогу, ты тогда еще наступила на грабли, от удара глаз даже опух, – пошутил Иван.

– И правда, – изумилась Прасковья, – только не глаз, а лоб стал, как надутый, прошло столько лет, значит, ты действительно тот Иван. А как же твои похороны?

– Воскрес я. Пожалели меня архангелы. Сначала хотели, чтобы я на Марсе жил, потом опустили на землю. Там, мол, в Выселках мне привычней.

– От твоей Софьи и на Венеру убежишь

– Что ты, Прасковья, все о Венере, да о Венере. Других планет не знаешь, а в детсаде работала.

– Так, Кузьмич, нянькой же, не географом.

– Все одно. А к Софье Иван и не пойдет. По документам он помёр, значит, его нет. Ты – то вот, одна пахтаешь, возьми его к себе, и все тут, кто придерется.

От волнения у Прасковьи зарделись щеки, покраснели уши, и стала подрагивать нижняя губа.

– У нас в Выселках вдов тридцать подходящих наберется. Такого быка каждая будет непрочь взять. Пусть выбирает...

– Вот и поспеши.

– Дом мой знаете где, приходите, – сказала Прасковья и, уже отойдя, добавила: – Не забывайте, я первая в очереди.

– Вот это я отчубучил, Кузьмич, подтвердил твою гипотезу о моем воскрешении, – с беспокойством сказал Иван.

– Какая гипотеза? Ты не только вылитый Ванька Петров и сам Ванька Петров. Кто будет сумлеваться. Да, и с граблями попал в яблочко.

– Невероятное станет очевидным, хочешь сказать. Посмотрим, что из этого получится. А Пелагея, Кузьмич, женщина красивая.

– Это правда, все при ней.

– Как говорил один умный человек: приятная во всех отношениях.

– Не знаю, как в отношениях, но очень даже приятная.

– Так что же будем делать, Кузьмич, врать дальше не хочется. Может быть, сказать честно, что не тот я Ванька, не тот, и родился не здесь. Просто, очень похож, а Петровых у нас – не меньше Ивановых. И показать паспорт.

– Не спеши с выводами. Сначала пройдем по домам, попьем самогоночки, покуражимся, а тогда примем решение – к Софье ли пригужимся, к Прасковье ли, а может и к Александре какой. Их у нас три или четыре в домах кукуют. Сначала осмотреться надо, потом уж спешить.

Глава третья

– У нас все люди разные, как в сумасшедшем доме. Так глава нашей сельской администрации Ухватов говорит. Он там завхозом работал. Тронутых умом кашей из отходов проса кормил. Разница с пшеном небольшая, а навар огромный. Купил себе аномаль. Этот пустырь – до Узеня прям. Все боялись там строиться. Я сам с колокольни видел, как на него садилась летающая тарелка, похожая на чугунок. Из нее выскочило чудище, и поскакало, поскакало к речке, где резвились русалки, которые, поговаривают, главу администрации часто навещают, но с этим я не соглашусь: как они без ног передвигаются, хотя... могут: у главы в огороде густая трава посажена, по ней – только скользи, отталкиваясь, руки – то у русалок есть.

– Ты случайно, Кузьмич, не перебрал в тот день: небылицы рассказываешь. Где русалкам в Узене жить, я его за деревней свободно перешел, в самом глубоком месте воды – до пупка.

– Там брод, а ниже по течению ты, хоть и двухметровый, с головой уйдешь.

– А тарелка летающая? Давно бы ваши Выселки стали знаменитыми. А так – глухая деревенька с речкой – ниткой.

– Нисколько не глухая, одна у нас одних писарчуков из газет было больше, чем петухов. Был даже профессор – уролог. От Ухватова не отходил ни на шаг. Боялся, наверное, что пропадет в огороде, там, говорит, дыра в мир усопших. Я все же сомневаюсь, что не оттуда ты прибыл? До непостижения похож на нашего Ваньку.

– Согласен, похож, но ведь у меня есть паспорт, где указано место рождения, и совсем это не чудесно – аномальные Выселки.

– Слушай, Вань, пусть будет так, как ты говоришь, хотя я в этом сомневаюсь, а давай Ухватова разыграем. Сбесится пуще оттого, что у него в огороде вход в мир усопших.

– Хочешь сказать, что я буду этому ярким свидетельством?

– Конечно, все село поставим на уши, – Кузьмич хохотнул, – ежели уже не поставили. Прасковья, чай, уже давно разнесла весть о твоём возвращении по всей деревне, не такая уж она и большая.

– А куда нам теперь деваться, врать так в унисон даже твоему урологу, – улыбнулся Петров.

– Ты не умничай, наш Ванька проще куда был, на тракторе, да на скотном дворе только и работал.

– А я в ином мире университет окончил, – с нахальцей ответил Петров.

– Эко ты как?

– А чтобы ни у кого никаких сомнений не было. А Ухватова так разыграем, поверит, что сам в ином мире родился. Кстати, есть у него жена, дети?

– Привез одну из сумасшедшего дома. Красивая, но, кажется, не долечилась до конца, ночью, особенно, когда полная луна, пляшет голая во дворе. Забор у главы высокий, а мне с колокольни все видно. Может, и еще когда пляшет, я не вижу, бываю, пьян и не слезаю с колокольни, убиться на хрен можно.

– А если она любит танцевать в уединении, под звездным небом?

– Доказательств умопомрачения много, зачем она варит и ест кожуру картошки, которой у нас полно. А недавно я встретил ее с прохудившимся ведром, из которого сильно текла вода. Нет что ли у главы администрации цельных ведер, спрашиваю. Милка, так ее зовут, отвечает, что есть, просто ей интересно, сколько раз придется сходить к колодцу с худым ведром, чтобы наполнить водой бочку. Да, откровенно и сам Ухватов того, не совсем ладит с головой. Только Ванька смотри никому не говори, что узнал об этом от меня, особенно урологу Мерцалову,

вместе с главой вход в иной мир ищет, профессор, а болтун, разнесет по всей научной кампании.

– Наверное, профессору – уфологу. Урологи изучают совсем не звездную, а мочевыделительную систему, – поправил Иван.

– А, только одной буквой разнятся, да и трудно запомнить, – махнул рукой Кузьмич.

– Не соглашусь, ты особенный, ближе других к звездам сидишь, поэтому в уфологии разбираться должен лучше.

– Я и разбираюсь. У главы точно вход в иной мир. Пришла к нему раз училка Петухова – Кочетова, и не вышла из подворья. Куда делась? У него детей нет, чтобы учила на дому. Намедни тож, Веревкина, дояркой раньше была, кровь с молоком баба, из – за нее трое в сенокос чуть друг друга на вилы не насадили, хотя надо бы, все трое были без мозгов и такие курносые, что Веревкина вешала им на носы что придется, даже тапочки для просушки. Так вот, и она застряла у главы.

– Он не курносый? Вероятно, еще что-нибудь сушит? – пошутил Петров.

– У него рубильник, как у тебя, с горбом, все соскочит. А ежели всерьез, и Ухватов их в другой мир отправляет? Страшновато, отчего даже в деревянной ноге дрожь. Но с тобой к нему пойду, сам, чай, оттуда.

– Оттуда, Кузьмич, оттуда, мы же договорились.

– Ох, будет потеха, нутром чувствую, все с аномалью связано, надо убедиться, иначе от научных размышлений можно попасть в артель умалишенных.

– Намного, Кузьмич, опаснее попадать в артель инакомыслящих, а быть дураком проще, что с него возьмешь?

– Верю, Ваня, вот и притворяются многие, что с дурцой, увидим, небось, обходя дворы.

Забор, огораживающий поместье Ухватава был высоким, Кузьмич, даже подпрыгнув, не доставал до его верха рукой, хотя это объяснимо: отталкивался он одной ногой, взлетая, если можно так сказать, сантиметром на 15 – 20.

– Ты чё видишь, Вань, за забором? Я не прыгну высоко: нога одна намного короче. Использовать заготовки Пахома не могу, он ростом ниже меня, и болванки его тоже короче.

– Понимаю, Кузьмич, объяснил доходчиво. А что вижу во дворе? Женщину с распущенными волосами, танцует перед зеркалом, голая.

– Это Милка, жена Ухватава, – сказал Кузьмич, – как войдем во двор, ежели она голая?

– Просто, постучим, она оденется и откроет дверь. А если самого хозяина нет, еще лучше. Сумасшедшие не врут, и она объяснит пропажу твоих Петуховой – Кочетовой и Веревкиной.

Действительно, Милка, у которой, определенно, было все, что нужно, и ничего лишнего, открыла дверь сразу, только они постучали, и еще застегивала верхнюю пуговицу халата.

– Здравствуй, красавица, мы к Петру Петровичу. Случилось то, что мы все ждали, вот Ванька Петров с того света вернулся, там бога видел и архангелов, цельных четыре года в мире усопших обитал. Встречал и выселенцев, кто недавно помёр, а те, кто давно, в садах чудных обитают, и домой не спешат. И правильно, че у нас делать – от самогонки все яловые ходят. Вот позвал Ивана к вам, как твой хозяин обрадуется, что по ту сторону тоже живут, и есть туда вход. Даже страшно становится: теперь доказано, и доказательство вот рядом стоит, двухметровое, что вход этот – в наших Выселках. Какая дамка для Петра Петровича. Он же каждое собрание начинает разговорами об иных мирах, в которые есть вход. Так, где сейчас Петр Петрович?

– Подожди, Кузьмич, у меня возникает сомнение, а Ванька ли это Петров? Где усы? И нос, кажется, стал чуть длиннее. Я, правда, видела его только в гробу, не успела: Петр Петрович в день похорон привез меня в ваше село.

– Он, он, не сомлевайся, а усы сбрить можно и вострой косой.

– У нас, Кузьмич, в ином мире и парикмахерские были, и косметические салоны вот для таких красивых женщин, как госпожа Мила.

Зарделась жена Ухватова, шире распахнула дверь:

– Заходите, пожалуйста, будете самыми желанными гостями, а Петр Петрович как раз сейчас выпил стакан свиной мочи и находится в хорошем настроении.

– Свиной мочи? – вырвалось одновременно у Петрова и Кузьмича.

– И я сначала недоумевала, но он объяснил, что, если выпьешь 200 граммов свиной мочи, передвинешься на 200 лет во времени назад. И я попробовала, и не согласилась с ним: во времени передвигаешься, наоборот, вперед – перед глазами носятся какие-то космические корабли, пролетаешь даже через солнце.

– И не сгораешь? – улыбнулся Иван.

– Не успеваешь, чай, скорость – то огромная, – поддержал женщину Кузьмич, и осторожно взяв ее за руку, добавил: – Ежели Петр Петрович сейчас отдыхает, ты нам расскажи, Мил, о русалках и летающей тарелке, похожей на чугунок, которая садилась на вашем заднем огороде, я их сам видел.

– Эта неопознанная летающая тарелка давно опознана, и, хотя пьяному с колокольни все может показаться, ты прав, похожа она на чугунок. Петр Петрович ее сделал, приспособив маковку от старой разрушенной церквушки в Ежах. Обтянул ее кожей, чтобы легче была, и летает. Правда, пока с берега речки, на которую сам тарелку закатывает. Зато с берега, прям, летит. Хорошо, не очень высоко, задавил бы купающихся девчат, которых ты принял за русалок. А если был на парах...

– Ладно, ладно, на парах, городская ты больно, Милка, а вот скажи, куда подевались пришедшие к вам Петухова – Кочетова и Веревкина, я не видел, чтобы они от вас уходили?

– Они готовятся к полету на Марс и находятся в замкнутом помещении.

– В замкнутом? – переспросил Кузьмич.

– Да, в погребе, едят, в основном, морковь, в ней много витаминов и пьют свою осветленную реактивами мочу.

– И терпят? – уже переспросил Петров?

– И я бы терпела. Петухова – Кочетова и Веревкина сейчас нигде не работают, а Петр Петрович им платит по сто рублей в сутки.

– Я бы тоже согласился, ежели бы пить за деньги не мочу, а самогон, – хихикнул Кузьмич.

– А ты обратись к Петру Петровичу, возможно и для тебя он найдет испытание, нужное для полета на Марс.

– Нет уж, Милочка, испытание у меня есть: на высоте сижу, и водочку пью в разряженном состоянии, правда, бесплатно. Ладно, не вовремя мы явились с того свету, как отойдет от мочи глава, сам прибежит к нам, такая для него дамка. Ты только сразу расскажи о ней, и прибежит. А нам с Иваном разреши хоть краем глаза взглянуть на ваших испытателей, ведь героями будут, ежели выживут.

– Да, испытание сложное, и худшее может быть. Пойдемте, покажу, – и она повела их к сараю, в котором находился погреб. И что увидели Иван с Кузьмичом? Обе женщины лежали на надувных матрацах с распущенными волосами и открытыми ртами. Рядом стоял ящик с морковью, и пахло мочой. Увидев Ивана, бывшего своего ученика, Петухова – Кочетова еле слышно спросила:

– Уже свершилось, мы в раю, Вань?

– Как представитель иного мира, я прерываю ваш эксперимент, иначе вы его не закончите, и скажите Петру Петровичу, чтобы заплатил вам обещанное полностью, без вычетов. На Марс лететь уже не надо, я там побывал, что может подтвердить Рылов.

– Вот, возьмите, – бросил им кусочек завалившегося в кармане пряника Кузьмич. – Дней пять пейте только молоко, иначе окочуритесь, особенно Веревкина, у которой начал вываливаться язык.

– Все, выходите, решение оттуда, – показала рукой вверх Мила, – и не волнуйтесь, все будет сделано так, как говорит Иван Петров. Я гарантирую это, как жена главы.

Глава четвертая

Не успели отойти от дома Ухватовых, как с другой стороны улицы к ним свернула небольшого роста женщина в норковой шубе. Лоб ее и щеки были в глубоких морщинах.

– Не удивляйся, – сказал Кузьмич, – это бабка Фима, ей вторая сотня годов пошла, но тоже ударила в бизнес. Да, я же тебе рассказывал, как она откормила в глубокой яме зашедшую с вешней водой рыбу и сдала ее в магазин за деньги, которых хватило на шубу, и носит ее.

– Сейчас тепло, жарко даже в рубашке, – удивился Иван.

– Не растает бабка Фима с шубой от счастья: раньше ходила в телогрейке. Ты ее поприветствуй, на меня она в обиде.

– Чем перед ней провинился?

– Да, пошутил я. У нее на лбу постоянно пот, который она вытирает платочком. Мол, хорошо ей, и стирает его одновременно. Это я о морщинистой поверхности лба упомянул – стиральная доска, да и только.

Бабка Фима долгов всматривалась в Петрова.

– И, взаправду, Ванька, не врет Пелагея.

– Здравствуй, здравствуй, баба Фима, действительно это я, вернулся с того света, а дверь тут рядом: выходи свободно. Знаю, что ты коммерцией занялась, рыбу выращиваешь.

– Отколь знаешь?

– Ты забыла, откуда я, и обо всех всё знаю.

– Не поверишь, Вань, тебе только скажу, не этому сычу, смотрит все время с колокольни и похабит всех. Раньше, я только родилась, церковь тут стояла. Осталась колокольня. Окрест – то их нигде нет, только у нас в Выселках. А он на ней пьет. Срам. Греховодник. Так вот, Ваня, белуха ко мне во двор зашла. Жрет зерно, уже у правнука беру, и не хватает. Приходи, глянешь, – бабка Фима улыбнулась так, что растянулись мехами гармошки ее морщины на щеках, – и там, где ты был, в усопшем мире, нет, чай, таких огромных. Поможешь ее на куски разрубить, когда сдавать буду в магазин.

– Конечно, баба Фима.

– А какая она, Вань, вкусная, хошь?

– Очень, она, как стерлядь, только действительно огромная.

– А я, – сконфузилась бабка, – никогда не ела стерлядь, только карасей, да шук, их в Узене всегда лавили – обожраться можно.

Бабка Фима вытерла платочком лоб и погрозила сухим черным пальцем Кузьмичу:

– Ишь ты, стираю эдак я платок, надо же, Вань, додумался. Проживет столько лет, у самого лоб бороздами покроется. После ста лет годы как трактор пашут. Но он столько не проживет, раз уже падал с колокольни. Хотя жалко мне яво: с одной ногой, думать теперь чем, – этими словами бабка показала, что тоже была из задорных Выселок.

Раздалось кудахтанье, над забором небольшой хаты взлетела курица, следом, еще выше, вспорхнул петух. Можно было заметить, что вместо одной ноги у него прутик, наверное, из той ольхи, что росла у самой калитки.

– Это что еще за явление народу, – вырвалось у Ивана, – зачем петуху деревянная нога, если его можно в оцип.

– Вот вам с Фимой и пример нашей работы, которая всегда с дурцой. Хотя в этом случае она имеет понятливость. Хозяйке жалко петуха. Кто будет топтать кур. Она сама лет двадцать живет вдовой.

– Так, посади клушку на яйца, и будут петухи, это мужика не высидишь в гнезде, а кочета можно.

– Ты, Вань, не прав. У меня на кровати спит кошка и сейчас, а она умерла давно. Я чучелу из нее сделала – Пахом помог. Он у нас рукодел, как живая, если бы еще и мурлыкала. Пахом обещал голос ей приделать, но пока только попискивает... А первая-то прибежала к тебе, Вань, зачем? Не видел ли ты там, на небе, моего Васятку, помнит ли он меня, али забыл, не встретил ли там каку ангельшу с крылами?

– Нет, баба Фима, к сожалению, не видел. Он умер у тебя когда?

– Годов пятьдесят прошло уж.

– Вот видишь, я еще к тому времени не родился, нет, не видел я его.

Огорченная старушка расстегнула на шубе пуговицы.

– Жарко тебе, наверное? – спросил ее Петров.

– А как я оставлю дома такую шубу, а сопрут, зимой, в чем ходить? У Пахома, вон, борова увели. Надели намордник и увели.

– Не намордник, а противогаз, Пахом сам приучил к нему Борьку. Бывало, наденет ему на голову противогаз, и ходят вместе по деревне, всех веселят, мальчишки даже с уроков сбегали. Вот и увели в этом же противогазе. Потом бросили его за околицей. Граня нашла. Тебе ровесница, а видит лучше правнука Вовки, в первом классе он учится.

– Это почему? Вовка, чай, тоже без очков ходит, и сколько раз нитку в иголку мне вздевал.

– А что же тогда он букварь сам не читает, Гранька ему слоги выводит: ма-ма, дя-дя...

– Я же говорю, Вань, что Кузьмич не способен к аналитике, ему бы похабить кого. Вовка еще читать не умеет, сентябрь только. Чай, к весне научится. Весь в своего папашу, стенгазеты, вон, какие пишет, с рисунками.

– Аналитик мне нашлась, где услышала такое слово. Какие рисунки. На день победы нарисует звезду ежели – и ту с плаката сводит.

– Не ругайтесь, пожалуйста, лучше посмотрите на темное облако над вашей колокольней. Откуда оно взялось, как живое, все время меняет форму, – перебил их Иван.

Бабка Фима испуганно перекрестилась:

– Кипящая туча, отколь она?

– Подождите, подождите, – всмотрелся в черное облако Кузьмич, – Это же птицы, тысячи птиц, чай, со всей степи собрались. А вдруг они тоже из другого мира вырвались. Такого тут у нас еще не было, чтобы как жидкий деготь. А если облепят? Все, бежим обратно к Петру Петровичу, схоронимся.

– Не бойтесь, это же галки собираются в стаи перед перелетом, – успокоил их Иван.

– Галки-то, галки, а отколь их столько набралось? – баба Фима придвинулась поближе к возвышающему над ней Петрову.

– Я и говорю, из того мира, да, не было у нас столько галок, ну, облепят какой вяз, а тут всю деревню облепят, – ответил Кузьмич.

Петрова одолело желание еще больше разыграть высельчан, укрепить их веру в свое чудодейственное возвращение, и он произнес:

– Да, летали там, в загробном мире, такие стаи, но не над райским садом, а ближе к чистилищу, и вполне возможно, они ворвались в заволжскую степь через портал, так называется вход в иной мир.

– Вот бы райские птицы к нам прилетели, я бы одну оставил на колокольне. Пусть поет мне песни. Или они, Вань, только гогочут, как наши лебеди?

– Они, Кузьмич, могут даже говорить на разных языках. Но как бы ты поймал птицу?

– Да, просто – сеткой: так я ловлю синиц.

– Он их, Ваня, продает в Ежах на базаре. Отколь бы деньги брал на сахар для самогонки.

– Отколь, отколь, все ей надо знать.

– Смотри, Кузьмич, к колокольне стая повернула, часть птиц садится. Устали, наверное.

– Вот бы поймать птичку, Вань, тогда, как пить дать, наши Выселки будут центром земли. А ты, паритет – авторитет, – Кузьмич первый раз так умно обратился к старушке, – давай, топай отсюда, а то, действительно, спаришься в своей шубе, солнце сегодня прям жарит. А лучше сходи к Софье, жене Ивана, пусть только не обмочится от радости, или что хуже, не умрет. Начинай постепенно говорить, с намеками.

– Ой, ой, и правда, Прасковья наверняка уж всем насплетничала, побегу, можа еще успею, – бабка, сняв шубу и перебросив ее через руку, пустилась вдоль по улице, не замечая шипящих гусей, которых всегда побаивалась.

– Скажешь, Вань, что ей сто лет. Как молодая бегают. Завсегда так: ежели весточка с перцем, баба обо всем забывает и ничего не видит перед собой, лишь бы первой ее размолвить. А ты, – Кузьмич взял Петрова за руку, – взаправду что ль пришел с того света, или мы чудим как договорились?

– Опять сомневаешься? Разве могут быть похожими стопроцентно один человек на другого? И у близнецов есть разница. Нет ее, если сравнивать себя с отражением в зеркале.

– С самим собой, хочешь сказать.

– Несомненно. Поэтому можно сделать один вывод, не буду говорить какой, сам решай. – Петров решил идти до конца в разыгравшихся деревенских фантазиях, направить и Кузьмича по выбранной в ней тропинке, другими словами, заморочить и ему голову адекватными рассуждениями о его возвращении из мира усопших, чтобы невероятное стало очевидным для всех высельчан. В подобной крутой и прикольной ситуации он никогда не был, ощущал такой несравненный драйв, что самому стало казаться, что он пришелец. А ведь действительно так. Жил на севере за полярным кругом, где тюлени и моржи, где мерзлоту освещало полярное солнце, где по льду и в небе степенно шагала с медвежонком медведица. Без преувеличения, действительно иной мир....

– А галки, Кузьмич, исчезли так же внезапно, как и появились. Прав ты, оттуда они, и портал здесь у вас в Выселках, – Иван хлопнул старика по плечу, тот даже присел.

– Потихе, буйвол, у меня же не две ноги, а одна. А ты и Гитлера, чай, свалишь, осанкой несколько не уступишь ему. Да, и Портосу не уступишь, хотя он силищи необыкновенной. Помнишь их? – проговорил лукаво, с хитринкой Кузьмич, вероятно, еще не верил в воскрешение Ивана.

– Конечно, помню. Только в Выселках дают такие броские прозвища и животным, и людям.

Кузьмич посмотрел на выгоревшее за лето небо, в котором птичье облако словно испарилось, и зияла одна пустота.

– Интересно, ничего нет, было – и нет. Воробей бы хоть пролетел. Давай – ка, Ваня, изменим маршрут, то есть пойдем в другую сторону деревни. Прасковья, думаю, туда еще не добежала.

– Нет, Кузьмич, помилуй, я чересчур много выпил и, если разрешишь, часок – другой вздремну на твоей колокольне, матрац там есть. А ты погуляй, если хочешь, потом меня разбудишь.

– Как хошь, часок погуляю, а там продолжим наше знакомство с Выселками. Посмотри – ка, чё делают наши экстремисты?

– Экстремалы, вероятно, Кузьмич, тут самое место для поднятия адреналина.

Перекидной мост через речку был старым и давно обвалился, в самой середине. А доски по краям настила остались крепкими, выдержат и Гитлера. Вот и соревнуются здесь местные мотоциклисты, перелетая с разгона через проем, длиной метра четыре. Для удобства и большего эффекта один конец досок задрали. В тот момент летели над речкой парень с девушкой, которая привстала на заднем сидении и, сделав сальто, плюхнулась в воду. Когда она, испачканная тиной, речка – то мелкая, выбралась на берег, Иван спросил:

- Не страшно вот так кувыркаться между тросов, да еще на скорости?
- На Марсе может быть страшнее, вот, готовимся к полету на соседнюю планету. У нас все так давно кувыркаются, а зимой, если она снежная, прыгаем в овраг.
- Можете разбиться без специальной подготовки.
- А мы, дядя Вань, я вас узнала, ведь соседка ваша, готовимся под руководством Рылова. Он у нас кружок марсоведения ведет.
- Лихая ты, Нюрка, в прошлом году спрыгнула с самолета над прудом с зонтиком, и этот, разбрасыватель удобрений хренов, ну, летчик, разрешил тебе. Тоже видать член кружка Рылова? – вставил Кузьмич.
- Конечно, он же нашу школу кончал, Польшин его фамилия.
- Вы и телескопом Рылова пользуетесь? – поинтересовался Петров.
- А как же. Он лекции нам читает, подтверждая слова показами ландшафтов Марса. Вчера даже сенсация произошла: каменный идол к нам голову повернул, аж, все перепугались. Круто! Теперь еще выше и дальше будем прыгать. Вовка, вон, хочет через крышу склада перелететь, приделав к мотоциклу крылья. Он еще раньше их сделал, и уже опробовал, правда, неудачно, но, говорит, усовершенствовал крылья, и теперь все будет окей.
- Отвлекись – ка от прыжков, Нюрка, ты забыла, что Ивана давно нет, он помёр, а разговаривает с тобой, почему? – сказал Кузьмич.
- Так, я все знаю, Рылов тут был, и рассказал, что дядя Ваня вернулся с того света через портал, который в наших Выселках. И мы свободно можем теперь в иной мир попасть. Поэтому и тренироваться будем еще усерднее.
- Молодец, соседка, так и действуй, а мне надо отдохнуть, длинным был обратный путь, через Марс, – готов был засмеяться Петров, но сдержался.

Глава пятая

Чтобы быть выше, карлик Нос носил ботинки на высоких каблуках и с толстыми подошвами. А Вика, которая посматривала на него с интересом, наоборот, старалась ходить на самых тонких подошвах, а если в сапогах, без шерстяных носков. Нос был единственным холостым парнем в Выселках, другие давно уехали из деревни, одно плохо, даже на каблуках – метр с кепкой. Сначала стеснялась, разговаривала с ним на расстоянии, потом осмелела и стала подходить к нему. А когда стояла рядом, сгибала ноги и в голеностопном, и в коленном, и в тазобедренном суставах, то есть приседала слегка.

Все бы нормально, но не соответствовали размерами их носы. У карлика он занимал поллица, а у Вики его словно не было, торчат две дырки, и все. Зато глаза были большими, как у Ночки, которую она провожала каждое утро в дойное стадо.

И дисгармонию их носов, и схожесть ее глаз с коровьими, конечно же, первым заметил Кузьмич, прохаживающий по улице после расставания с Петровым. Настроение его было паршивым, ходил с трудом, так как одна нога была не просто деревянной, но еще и короче, со стороны казалось, он меряет шагами длину огорода.

Вика и карлик стояли у забора ее дома, рядом с ними шипала траву Ночка. Все трое одновременно посмотрели на подходившего Кузьмича.

– У меня касательно вас есть острое впечатление, только я могу привести в сравнение нужные эпитеты. Считай, никакой разницы не будет, ежели Вика поменяется глазами со своей коровой. И поцелуйтесь же, наконец, не стойте часами, как истуканы. Вам будет удобно, носами не зацепитесь, – выдал он без излишних приветствий свои образные фразы, ошарашившие парочку.

– Здравствуйте, дядя Кузьмич, я корову вот со стада пригнала, а тут Гриша как раз идет.

– На нем защитна гимнастерка, она тебя с ума сведет, – пропел хрипло Кузьмич.

– Смеетесь, он, чай, в рубашке.

– И с кастрюлей каши.

– Нет у меня никакой каши, – чуть не заплакал от обиды карлик, – вот, смотрите, – он раскрыл пустую сумку, козлу всю отдаю.

– Дань? Иначе забодает?

– Нет, дядя Кузьмич, козел Гришку не бодает, когда он ему кашу отдает или стоит со мной.

– О чем это говорит, об уме козла. Жениться вам надо. А так как Гриша один живет, и нет у него ни отца, ни деда, я буду сватом. А чтобы это соглашение обмыть, принеси – ка из дома, Вика, мне стаканчик самогонки. У вас завсегда она есть, за корм ею расплачивается.

– Я мигом, дядя Кузьмич, только нагнали, чай, бутылку принесу за ваше предложение. Как просто, а я боялась старой девой остаться, легче в стогу иголку найти, чем жениха в Выселках. А Гриша хоть маленький, но мужичок.

– Кто скажет, что он баба? Да, никто, ручаюсь новой ногой, которая будет соответствовать по размеру, хотя, видно, ее не скоро остругаю, березовой болванки подходящей длины никак не найду.

– Я для вас, если будете сватом, стояк в сених отдеру, он из березы, любой длины можно ногу выточить, даже двухметровому великану, – предложил Нос.

– Малого роста у тебя, Вика, жених, но – с головой, в момент разрешил мою сложную задачу. Не пропадешь с ним, каша у вас завсегда будет. Это я так, для украшения слов. Давай, неси мне лекарство.

Вика принесла бутылку самогонки так быстро, как будто она лежала прямо за забором, не забыла захватить стакан и соленый огурец на закуску.

– Хорошая у тебя будет жена Гриша, оборотистая, что иной раз важно, – потер руки Кузьмич. Потом налил в стакан самогонки, выпил, как воду, и закусил огурцом. – Не буду вам мешать, пойду – ка, посмотрю, не горит ли где? И такое может быть, а бдительности у меня не отыметь. С детства таков. Вот, ушла недавно в баню бабка Фима – с колокольни я видел – и не возвращается, час, два, я – бить в колокол. Оказалось, угорела бабка и не дожидаясь до своих ста лет. Ну, ладно, пойду. Не забудь, Гришуня, о березовом стояке, а ты, Вика, о сватовстве, завтра приду к вам, чай.

Настроение у Кузьмича поднялось, кажется, и нога деревянная стала длиннее, он запел: «если только осторожно, мне сейчас побегать можно...» Строчку он срифмовал сам, и считал, что свободно мог быть поэтом. Грамотешки бы побольше, а воображения у него хватает, как и бдительности. Конечно, не такое, как у марсианина Рылова. Вбил в башку, что летал на Марс и навалил у дома машин сто песка, отдав за них две коровы. Сделал уголок Марса, чтобы меньше тосковать по нему, а молоко стал брать у соседа за гроши. Дураком не назовешь, а умным – тем более. Как выражается деревенский ветеринар, с психологическими наклонениями. А он знает, что говорит, учился в каком-то парнокопытном заведении. Кузьмич так его и не переспросил: чудно уж, в коровьем, что ли? Рылов где-то тоже учился, но, наверное, не окончил заведение – куда его потянуло? А вот продавец Кривонос ударился в бизнес с пятого класса и бросил школу. А каков? Магазин собственный есть и в Выселках, и в Ежах. Главное, мозгами шевелить, ежели они есть. Вот у быка, хоть и у Гитлера, нет мозгов, он и старается всех пырнуть. А ежели человек бодливый, значит, его вправе называть быком. Кузьмич возгордился таким интересным выводом. Значит, он соображает, даже слегка выпивший.

– Что лыбишься, будто кошелек нашел? – отвлек его от мыслей сильно похожий на Кузьмича дед, ростом поменьше, но тоже с одной ногой, и тоже деревянной.

– А тебе бы хотелось, чтобы морда у меня была с выражением, будто этот кошелек пустой?

– Ха, ха, ха, Кузьмич. Куда лыжу наострил?

– Туда, куда и ты свою, Пахом. Скоро тебе будет работа, нашел я подходящее дерево для ноги, вернее, мне пообещал его карлик Нос.

– Это хорошая новость, не мешало бы ее обмыть.

– Тебе бы только обмывать, сделай сначала ногу.

– На эти твои слова есть два ответа: можно и опосля обмыть, а можно и сейчас и опосля. Как, думаешь, будет лучше?

– Убедил, второй ответ более подходит.

Через минуту они сидели за небольшим столиком у конторы бывшего колхоза, выставив друг на друга деревянные ноги.

– Вот, смотрю на нас, и мысль одолевает сермяжная: ты ногу в афганскую войну потерял, я – отморозил, и обе они деревянные. Ни у тебя, ни у меня никаких привилегий, – сказал Кузьмич.

– У тебя т, их больше. Сидишь на колокольне, там воздух чище, а у нас тут, как пыль поднимется, хуть плавай в ней. Слушай, Кузьмич, а где сейчас тот воскресший Иван, все его ищут. Опять на небо забрался?

– Как в воду, Пахом, глядишь, прям угадал: на колокольне он спит, отдохнуть ему надо: не привык к нашим нормам питания.

– За тобой угонишься. Я с трудом могу, а другой, наверняка, околеет. Интересно, а как бы мы с тобой воскресли, с одной ногой или двумя? Если с двумя, спросим Ивана, как с того свету воротиться, и того – ну, умрем. Тебе – просто: прыгнешь с колокольни, и все: пятно.

– Да, и тебе не труднее, сноха у тебя медсестра, даст сонных таблеток нормы полторы – тебе хватит. Да, и, подозреваю, с удовольствием даст. Ни разу не видел улыбки на ее лице, всегда, как курицу собралась рубить, – заметил Кузьмич.

– Бывает и мне страшно, а чё, у больных всегда морды кислые, вот и передается. Уколы с размаху делает. Соседка Граня целый месяц синяк мне на задку показывала.

– Это она тебя завлекала.

– Чем, Кузьмич, завлекала, чай, у меня неструганных досок в амбаре полно.

– Чем есть, тем и завлекала. Все, кончилась самогонка в бутылке, пора и нам прощаться. Пойду, разбужу Ивана, должен оклематься уже. Я давно в порядке, – Кузьмич, хлопнув в ладони, заплясал: «Ух, ты, ах, ты, все мы космонавты, ежели не осел ты, вступи ты в комсомол ты», и, приседая, выпячивал деревянную ногу вперед, не каждый бы так смог.

Только друзья простились, как снова отвлекли Кузьмича. Сначала огромная собака, гнавшаяся за кошкой, чуть не сшибла его в кювет, потом к нему подошел Савельев, которого в деревне звали комиссаром, так он был секретарем парторганизации бывшего колхоза. Ходил Савельев в сапогах, носил галифе, военный френч. Еще бы погоны, и можно снова в роту, где он когда-то служил. Был рассудительным комиссар, до сих пор считал, что всё вокруг его, а не новых буржуев – капиталистов.

– Здорово, Кузьмич, чего ступаешь, как в яму, ногу в шутку пьяному на ладонь отпилили?

– Пахом короче сделал, заготовки длиннее не нашли.

– Понятно, а что за переполох в деревне. «Иван Петров воскрес, с небес спустился...», – кричат у каждого двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.